

BELOTSERKOVSKY A. V. OBTAINING SCHOLARLY DEGREES IN RUSSIA: WHO AND WHAT TO DEFEND FROM

The main problems associated with academic and scholarly degrees conferring in Russia are considered, some remedies are suggested.

Keywords: academic and scholarly degrees, Supreme Attestation Committee, PhD course, doctoral training, peer review of thesis

**В.Н. ПОРУС, профессор
НИУ – Высшая школа экономики**

Ученая степень как кривое зеркало российской науки

В статье рассматриваются причины, по которым процесс присвоения ученых степеней в России претерпел серьезные искажения и стал «кривым зеркалом российской науки». Показана ограниченность и сомнительная эффективность административных мер по исправлению положения, утверждается необходимость коренных преобразований всей системы подготовки научных и научно-педагогических кадров. Предложены основные направления таких преобразований.

Ключевые слова: аспирантура, докторантура, ученая степень, престиж науки, подготовка научных кадров, ВАК, индекс цитирования

Эти мои заметки инспирированы статьей трех авторов «Ученая степень в России: реальность и перспективы»¹. Сегодня эта тема особо актуальна в связи с недавними скандалами в ВАКе² и, вообще говоря, с реформами в системе высшего и среднего образования в России. Я остановлюсь на некоторых вопросах, поднятых в этой статье, рассмотрев их несколько иначе, чем это сделано в ней.

Первая и главная проблема – девальвация научных степеней в России и ее негативные последствия, странно сочетающиеся с небывалым наплывом соискателей этих степеней со стороны людей, к науке отношения не имеющих, но преследующих карьерные цели (чиновников и политических деятелей). Как замечают авторы, этот «парадокс» развился за последние четверть века, т.е. в тот срок, какой история отвела на проведение российских политических и экономических реформ.

Сначала о девальвации. Действительно, ускорение этого процесса связано с тем, как прокладывался и осуществлялся «путь российских реформ длиной почти в 25 лет» (с. 29). Однако неверно считать, что девальвация ученых степеней была вызвана именно тем, что Россия четверть века назад стала на этот путь. Она началась задолго до 1985 г., т.е. до начала многими теперь пинаемой «перестройки», с которого авторы статьи, видимо, и ведут свой отсчет. Обесценивание ученой степени – это зеркало, в котором уже давно специфически отражается процесс превращения науки и научного труда в одну из массовых профессий. С одной стороны, ученая степень становится не более чем квалификационным свидетельством (вроде категорий, какие присваиваются водителям автотранспорта), позволяющим его обладателю претендовать на более сложный и лучше оплачиваемый труд (соответственно, на более высокое место в

¹ Лаптев В.В., Писарева С.А., Тряпичина А.П. Ученая степень в России: реальность и перспективы // Высшее образование в России. 2013. №4. С. 26–37. Далее ссылки в тексте на эту статью.

² См.: <http://www.utro.ru/articles/2013/01/31/1098519.shtml>

регламентированной или условной таблицы о рангах в рамках профессии). Она оказывается способом выделиться из массы и перейти в ее верхний слой, так сказать, «элиту», после чего карьерные и материальные притязания обладателя степени удовлетворяются на формальных основаниях, минуя этап постепенного – по мере накопления положительных результатов и увеличения личного вклада в науку – признания способностей и заслуг со стороны научного сообщества.

Если раньше этот переход сопровождался заметным повышением зарплаты (не только через пресловутую «надбавку за степень», но и тем, что «остепененные» труженики науки и образования быстрее других занимали более статусные должности, в том числе – руководителей научных и образовательных учреждений и подразделений), то с начала 90-х гг. – и это было связано с резким ухудшением положения науки и образования, выброшенных на задворки экономической политики обанкротившегося государства, – значимость ученой степени стала измеряться не столько деньгами, сколько своим символическим содержанием³. Впрочем, в период униженного нищенства, в какое впала отечественная наука, даже ничтожный приварок, обеспечиваемый степенью кандидата или доктора наук, все-таки играл кое-какую роль для ее обладателя. Поэтому понятным было стремление более-менее способных людей, избравших научную или научно-образовательную карьеру, получить эту степень как можно быстрее и как можно более простым путем. При этом нравственная и ценностная стороны дела

неизбежно отходили в тень: ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан! Кто не следовал этому принципу, вполне мог считаться неудачником, какими бы моральными соображениями он ни руководствовался.

С другой стороны, заметно изменилось содержание научного труда. Для большинства научных работников (включая и работников высшей школы) он стал рутинным, требующим не «поиска истины»⁴, а умения осуществлять стандартные операции (наблюдения, измерения, вычисления и пр.), от которого иногда напрямую, иногда косвенно зависит размер вознаграждения. Аналогичный процесс – и в образовании: остепененный преподаватель в большинстве случаев демонстрирует студентам и аспирантам не результаты своих исследований, а содержание научных или технических концепций наряду с техническими приемами и методиками их применения (то есть выступает как комментатор учебников или специальной литературы). Это согласуется с возрастающей стандартизацией образовательного процесса, повышающей шансы на успех у старательных посредственностей, но вынуждающей талантливых людей пробиваться в «настоящую науку» особыми усилиями, большая часть которых уходит на то, чтобы как-то выбраться из рутины (особенно это заметно в сфере социальных и гуманитарных наук, а также в философии).

«Омассовление» и стандартизация научного труда и являются объективной базой для девальвации ученой степени. Когда же над этой базой надстраивается снижение (часто – обрушение!) порога моральных

³ «Цена» этого символического содержания не была низкой и ранее, изменилось только ее соотношение с денежным «наполнением» ученой степени.

⁴ Это словосочетание быстро освобождается от пафосного налета и чаще употребляется с иронией, чему немало способствуют и рефлексии философов, в которых цели и результаты научной деятельности описываются и объясняются в терминах «успеха», например, при решении конкретных вычислительных задач или построении объяснительных моделей исследуемых процессов. Термин «истина» переключивается в логико-семантические рассуждения, где напитывается специальным смыслом, далеким от всякого пафоса.

императивов, «надбавка за степень» и пропуск в «элиту» становятся практически единственными стимулами, побуждающими соискателей добиваться квалификационной категории. Немудрено, что процесс присвоения ученых степеней все чаще стал походить на своеобразный, с позволения сказать, «бизнес» с ощутимой криминальной составляющей в виде плагиата и подкупа. Все это совпадает по времени и по сути с аналогичными явлениями во всех сферах общественной жизни. Бессмысленно требовать от людей, работающих в науке, держаться моральных принципов в большей мере, чем это имеет место, скажем, в политике, бизнесе или в экономике. Когда коррупция и лихоимство становятся нормами жизни, невозможно вывести из-под действия этих норм какие-то отдельные ее участки («оазисы»). В больном обществе не может быть здоровой науки, хотя бы какая-то часть ученых и сопротивлялась болезни, испытывая отвращение к происходящему метаморфозу. Не помогают и паллиативы – запоздалые попытки как-то усложнить процедуры «остепенения» через введение дополнительных требований к ним. Заметим, что эти попытки предпринимаются именно в предположении, что сползание отечественной науки на уровень бесплодия и разложения можно остановить только нагромождением баррикад.

Примером служит так называемый «список ВАКа», куда вошли журналы и другие периодические издания, в которых аспирантам и соискателям предписывается публиковать свои результаты в виде научных статей. Уже формирование этого списка вызвало множество вопросов, а его расширение под давлением лоббирующих групп показало, что верна старая истина: на всякий запор есть своя отмычка. Это и не могло быть иначе. Ведь поток серых, глубоко вторичных по содержанию, а часто и просто списанных (с некоторой хитростью или даже без оной) публикаций нельзя сдер-

жать какими-то формальными требованиями, если главное препятствие для них – нравственное осуждение коллег по профессии – фактически перестало существовать или изуродовано слишком глубокими трещинами.

В последнее время стали применяться меры другого рода. Например, в Высшей школе экономики, где к плагиату всегда относились более непримиримо, чем во многих других вузах, практикуется система надбавок к зарплатам «за академическую деятельность», то есть за публикации в научных изданиях. При этом составлен внушительный список изданий, публикации в которых не рассматриваются комиссиями по надбавкам. Это издания, которые публикуют статьи за плату, взимаемую с их авторов. Оправдательные рассуждения о том, что таким способом эти издания-фирмы покрывают свои расходы и лишь слегка зарабатывают на жизнь, в расчет не принимаются: где включены деньги как решающий фактор публикации, там уже поздно или вообще ни к чему говорить о собственно научном признании. Маленькая ложь рождает большое недоверие, как говаривал группенфюрер Шелленберг, а размер лжи определить сложно, поэтому лучше вовсе снять вопрос с обсуждения. Такое заграждение кое-как действует, но, разумеется, оно не решает проблему девальвации ученой степени.

Очевидно, что растущая как на дрожжах коммерция в сфере научных публикаций является логическим следствием общей (легальной или не очень) коммерциализации процесса «остепенения». Издания, которые обходятся без взимания денег с авторов, существуют благодаря чьей-то финансовой поддержке: иногда государственной (например, журналы РАН), бывает – от спонсоров. Конечно, дело не в источнике финансирования, а в качестве публикаций, гарантированном квалифицированными и добросовестными рецензентами и научной политикой редакционных коллегий.

Но за рецензирование нужно платить, а значит, изыскивать для этого средства. Из какой «тумбочки»? Если *высоко* (надо еще понять, что означает это слово!) поднять планку требований к статьям, некоторые издания следовало бы закрыть. Но ведь страничная площадь «проверенных на качество» журналов крайне мала в масштабах страны! Где аспирантам и соискателям публиковать свои работы? И где журналам рекрутировать бесплатных, но высококвалифицированных рецензентов? Не говоря уже о том, что возможны неординарные и спорные статьи (особенно в сферах социального и гуманитарного знания), которые, скорее всего, будут «зарезаны» рецензиями, ориентирующимися на средний уровень понимания и принятия научных идей.

Другим примером «совершенствования» защиты кандидатских и докторских диссертаций являются новые правила, по которым заседание диссертационного совета должно быть снято видеокамерой и соответствующая запись представлена в ВАК как приложение к материалам защиты. Эта новация (очень похожая на то, как производится видеонаблюдение на автодорогах или в супермаркетах) якобы призвана обеспечить «прозрачность» процедуры, исключить разного рода иллегальные действия (вроде подделки подписей в документах диссертационных советов). Но ее внедрение в практику сопровождается нелепостями и унижениями. Вспоминаю характерный случай. Во время заседания диссертационного совета одному из его членов, уважаемому профессору, схватило живот. На его скромную просьбу позволить ему выйти, был дан ответ, что это нарушило бы регламент, по которому никто из ответственных участников действия не должен покидать зал заседания до окончания оно. Позеленевший профессор мужественно дождался дозволенного перерыва и с юношеской прытью, прямо-таки снося все препятствия, рванулся к выходу. Регламент нарушен не был.

Это было бы смешно, когда бы не было

так грустно. Напомню, что работа членов диссоветов никак не оплачивается и является сугубо добровольной. Не оплачивается и работа официальных оппонентов и «ведущих учреждений», объем и сложность которой бывают весьма значительными.

Сейчас, вослед скандальным разоблачениям недобросовестных защит, раздаются голоса, призывающие еще более усложнить (то бишь усовершенствовать!) соответствующие процедуры. Договариваются до того, чтобы сделать обязательным присутствие на защитах по общественным или гуманитарным дисциплинам специалистов по естественным и математическим наукам, которые должны дать свои заключения о «научности» того, что обсуждают «второсортные» ученые! Это ли не унижение? Требуют также, чтобы обязательным условием защиты была публикация (лучше — несколько) в иностранных рецензируемых журналах на одном из основных европейских языков. За рубежом с рецензиями и научностью дело обстоит, видимо, наипрекраснейшим образом, и они-то, наши иноземные благодетели, безусловно и бескорыстно разберутся в достоинствах и недостатках сочинений российских неофилов. Это признание собственной ущербности называют «вхождением» российской науки в мировое научное сообщество. Воля ваша, господа, но это вхождение униженного просителя, а не равноправного участника. Вы могли бы себе представить, чтобы для защиты PhD кому-нибудь из английских, американских или французских соискателей понадобилось непременно опубликовать пару-тройку своих работ на русском языке в рецензируемых журналах России? Разумеется, когда наши ученые публикуют свои работы в иностранных журналах, это нужно всячески приветствовать, но нельзя делать из этого повинность для соискателей ученых степеней.

И еще добро бы такие требования гарантировали реальный взлет нашей университетской или академической науки! Но в

этом приходится сильно усомниться, ибо, как гласит известная поговорка, даже самая красивая женщина может дать своему возлюбленному только то, что у нее есть. Кроме того, я не очень представляю, с чего бы это иностранные журналы по доброй воле стали публиковать статьи отечественных философов, юристов, социологов или филологов, посвященные вопросам, актуальным в нашей стране и вряд ли кому-то интересным за ее пределами.

Если же речь о том, чтобы не отгораживаться кириллицей от мировой науки, а делать наши работы доступными европейским, американским, японским или китайским коллегам и критикам, то эту задачу можно решить, публикуя на специальных сайтах Интернета (возможно, в электронных журналах) дайджесты на основных европейских языках, суммирующие наиболее интересные результаты отечественных исследований, в том числе диссертационных. Этим могли бы заняться, например, информационные подразделения РАН, крупные университеты или специальные периодические издания при совсем небольшой поддержке государства или спонсоров.

Вообще говоря, слишком легко поддаться соблазну решать сложную многоаспектную проблему, каковой бесспорно является падение уровня нашей науки, полицейскими, административными или даже сыскными методами. Вот, например, предлагают выявлять и привлекать к ответственности научные организации, дающие положительные отзывы на диссертации, в которых есть плагиат, но нет необходимой научной новизны, наказывать (возможно, административными мерами) официальных оппонентов, не узревших в этих же диссертациях следы порока, зато признав их свидетельствами достаточной научной квалификации и т.д. Невольно приходят на память рассуждения М. Фуко о дисциплинарной структуре власти, пронизывающей все поры общественного организма. «Надзи-

рать и наказывать» – этим ли рецептом исцелится наша наука?

Большие сомнения вызывают и предложения практически полностью сосредоточить защиту диссертаций в нескольких «ведущих» университетах России или институтах РАН. Оставим технические нюансы этой новации, тут много подробностей, в которых сидит дьявол, иначе говоря, ставящих под вопрос осуществимость такой «реформы». Напомню только, что злоупотребления и провалы были зафиксированы (в ходе нынешней кампании) именно в крупнейшем педагогическом университете страны.

Необходимо видеть в пресловутой девальвации не частную проблему, возникшую по чьему-то недосмотру или злостному умыслу, а признак глубокого неблагополучия нашей культуры в целом и нашей науки в частности. Мы потеряли, вернее, разрушили систему ценностных и нравственных ориентиров, без которых никакое администрирование научных процессов не будет иметь положительного результата. И это разрушение имеет общий характер; постыдные явления в науке – только частный симптом; пытаться избавиться от него запретительными мерами или усложнением процедур – то же, что лечить сифилитические язвы, смазывая их «зеленкой».

Вторая проблема, затрагиваемая в статье трех авторов, выражена недоумением: зачем нужны ученые степени людям, никакого отношения к науке не имеющим и не собирающимся его иметь? В особенности это относится к чиновникам разных уровней, валом повалившим со своими «научными» опусами на диссертационные советы в поисках соответствующих регалий. Подумаешь, бином Ньютона, сказал бы Коровьев. Ничего удивительного здесь нет. Среди этих людей много таких, кто страдает комплексом неполноценности, ученая степень в таких случаях играет роль успокоительного снадобья. Она же – занятная цапка, один из знаков престижа, которыми

они любят хвастать, что-то вроде золотых цепей и малиновых пиджаков 90-х гг.: «Диплом кандидата (и тем более доктора) наук стал аксессуаром — таким же, как часы, фотомодель-секретарша, автомобиль бизнес-класса, зарубежная недвижимость»⁵. Остепененный начальник, с трудом выговаривая слово «трансцендентальный», может «по праву» восходить, например, на трибуну философских конгрессов, выступая там с ценными указаниями и определяя перспективы развития философии в стране и мире. Им, конечно же, несколько не нужны мизерные надбавки к жалованью «за степень», но ее символический смысл востребован, что и неудивительно: встраиваясь в «вертикаль власти», они используют любую возможность обставить свое пребывание в ней престижным интерьером, среди элементов какого-то «ученая степень» может выглядеть совсем не лишней.

Все это даже не интересно. Больше волнует другое: обладатели ученых степеней, до поры действительно занимавшиеся наукой, попадая во власть или включаясь в политическую деятельность, редко сохраняют при этом необходимую ученому самокритичность, чуткость к вызовам реальности, готовность участия в компетентной дискуссии, оптимальность пропорции теоретического рефлексирования и практического действия. Это наводит на размышления: совместимо ли вообще участие во власти с профессиональными ценностями науки? Если нет, то ученым лучше вовсе не идти во власть, разве что в качестве консультантов и референтов.

Авторы статьи приводят занимательные данные социологов, свидетельствующие о том, что престиж профессии ученого в нашем обществе неуклонно снижается (еще бы было как-то иначе, если сравнить зарплаты ученых и преподавателей вузов с доходами чиновников, которые совсем не рав-

ны сумме их легальных заработков!), при этом ничтожное меньшинство (1%) граждан хотели бы, чтобы их дети стали учеными, но зато большинство из них (62%) «положительно отнеслись бы к желанию ребенка сделать научную карьеру» (с. 30). Нарочно не придумаешь, не так ли? «Быть ученым» — совсем не то же самое, что «сделать научную карьеру», например стать доктором каких-то наук! С учетом сказанного выше, приходится гнать от себя вывод, что в нравственном шоке пребывает едва ли не все население страны, и теперь профессия ученого или преподавателя высшей школы в общественном мнении связана с изощренной имитацией трудовой деятельности не без коррупционной составляющей.

Авторы статьи задаются вопросом, чем вызваны мнения о продажности ученых степеней, о массовых фальсификациях в этой сфере и вообще о смерти науки в современной России. Чтобы ответить, надо, предлагают они, искать причины снижения статуса ученого в нашем обществе. Что же это за причины?

О смерти науки говорить не будем, тема скорбная, и здесь легко впасть в эмоциональные преувеличения. А вот о продажности и фальсификациях — об этом сейчас не говорит только ленивый. Интернет кипит, пресса неистовствует, праведный гнев пылает, аннулируются первые порции ученых степеней, полученных нечестным путем. Налицо все признаки *кампании*. Не совсем понятно, почему именно сегодня эта тема так взбудоражила общественность, ведь явления — старые, знакомые до слез (что там какие-то «мнения», речь идет о *фактах*, интересных для прокуратуры, следствия, судов, а не только для социологов!). Делать вид, что позорные факты только-только обнаружены, просто глупо. Естественно возникает подозрение, что кампания вызвана желанием переключить вни-

⁵ Захаров А. На липовые диссертации есть спрос. — http://www.vedomosti.ru/opinion/news/9070171/spros_na_dissertacii#ixzz2Kqu1bK00

мание публики с проблемы воровства в эшелонах власти на плагиат и взятки в среде так называемых интеллигентов. Нечто похожее происходит, например, и в политике: обличителей воровства обвиняют в воровстве, что совсем не забавно. Но, конечно же, проблема важна и сама по себе, независимо от того, кто и почему так стремительно ее актуализирует.

Авторы называют следующие причины. Во-первых, это негативные последствия вынужденного переселения наиболее способной части научного сообщества России за границу. Уезжают лучшие, остаются — какие есть. К тому же из-за низкой престижности профессии ученого в отечественную науку идут не самые талантливые и не самые честные.

Во-вторых, это недостатки и пороки нынешней системы подготовки научных кадров. Нашествие в аспирантуру людей, не имеющих ни достаточных способностей, ни мотивации работать в науке; чрезмерность числа диссертационных советов (на такую прорву не напасешься дельных научных кадров). «Масштабы подготовки научных и научно-педагогических кадров расширяются, а уровень готовности поступающих к освоению предлагаемых образовательных программ снижается» (с. 31). Нет разнообразия образовательных программ для аспирантов (а на Западе есть!), и это очень плохо, поскольку подготовка *knowledge worker* «должна быть по возможности индивидуализирована, направлена на развитие личностного потенциала обучающегося, что позволяет учитывать познавательный ресурс и возможности каждого. Достижение этой цели возможно в среде вариативных образовательных программ преимущественно академической, исследовательской или профессиональной направленности» (с. 32).

И наконец, делу вредит представление об образовании как о сфере услуг, «где все продается и все покупается». «Именно этим можно объяснить рост числа сайтов,

предлагающих подготовку диссертации “под ключ” и продающих готовые диссертации» (с. 32). Но здесь у авторов есть оптимистические ожидания. Уже очень авторитетные организации и движения начали систематическую разработку различных «этических кодексов» для научных и вузовских сообществ. Надо надеяться, скоро эта работа даст какие-то значимые результаты, и дело пойдет на лад. Ученые и преподаватели вузов наконец-то поймут разницу между добром и злом и дружно станут на сторону добра, а кто промедлит, того постигнет моральное осуждение со стороны собратьев по профессии.

Что сказать? О том, что волны эмиграции ученых движутся в сторону от наших границ, уже выплакано много слез. Но совокупность причин, по каким это происходит, еще не вполне выяснена. Ошибка думать, что дело только в плохих материальных условиях, в каких вынуждена обретаться российская наука и ее работники. Когда профессорам Манчестерского университета, нобелевским лауреатам по физике 2010 г. (выходцам из России) Андрею Гейму и Константину Новоселову предложили работать в Сколково за гонорар более высокий, чем тот, какой им выплачивают на Западе, они ответили решительным и даже не очень дипломатичным отказом. У них уже был достаточный опыт работы в Институте проблем технологии микроэлектроники и особо чистых материалов РАН, а позднее в Институте проблем технологии микроэлектроники и особо чистых материалов в подмосковной Черноголовке. И опыт этот был таков, что повторить его они не захотели. Подробно обсуждать этот случай здесь нет смысла, но он говорит сам за себя.

Ясно, что одним только увеличением расходов на научные исследования, на зарплаты ученым и преподавателям поток эмиграции ученых не остановить. Нельзя наливать новое вино в дырявые старые мехи. Надо менять научную и образователь-

ную политику государства, а это невозможно без радикальных перемен всей государственной политики и системы социальных отношений в нашей стране.

Авторы правы, критикуя программы образования и подготовки аспирантов. Они не могут быть стандартизированы до абсурда, подготовка исследователя должна быть «штучной», а главное – целенаправленной. Но какую цель ставит перед собой *post-graduate education*? Если повышение квалификационного уровня – это одно дело, если успешное завершение оригинального научного исследования – другое. Одно не противоречит другому, но программы аспирантской учебы должны быть приспособлены к ясно обозначенной цели. Каждый университет или академический институт должен определить содержание своих аспирантских программ и разработать стратегию их выполнения. И здесь жизнь внесет свои коррективы. Нужно понимать, что аспирантам надо еще зарабатывать на жизнь, поэтому большинство из них фактически учатся как бы в «вечерней» аспирантуре (или работают «за деньги» по вечерам, если их диссертация требует значительной серии экспериментов). Сейчас кое-где (например, в Высшей школе экономики) вводятся программы «академической аспирантуры», когда аспирантам платят стипендию, позволяющую им кое-как сводить концы с концами, не работая «по совместительству». Зато к ним предъявляют более жесткие требования в том, что касается сроков и порядка выполнения диссертационной работы. Надо сказать, что далеко не все аспиранты принимают эти условия. Будет ли «академическая аспирантура» более успешной, чем обычная, покажет время.

Не разделяю оптимизма авторов относительно перспектив изживания «идеологии чистогана» в сфере науки и образования за счет разработки и внедрения в практику «кодексов научной чести». В ситуации, когда нарушение моральных запретов едва

ли не более обыкновенно, чем их соблюдение, этические кодексы скорее сыграют роль «фигового листка». Создавать и разрабатывать такие кодификации морали никому не возбранено, возможно, это поспособствует развитию теоретической мысли в специфической области социально-философских и этических исследований, но вряд ли стоит надеяться на то, что так можно исправить вопиющее положение дел. Здесь нет противоречия со сказанным ранее: без изменения нравственного климата в научных и образовательных институтах кризис не может быть преодолен, но этот климат в слишком малой степени зависит от того, вывешен ли на стенах соответствующих учреждений некий список моральных требований к их работникам.

Самые острые споры сейчас ведутся вокруг знаменитого вопроса «Что делать?». Нет недостатка в предложениях, часто радикальных («разогнать Минобрнауки», «распустить ВАК», уполовинить число высших учебных заведений и диссертационных советов, вообще отменить надбавки за степень, чтобы люди за ними не гнались сломя голову, передать право присвоения ученой степени конкретным университетам из числа «ведущих») ⁶. Со всем этим нужно разбираться *sine ira et studio*, привлекая для дискуссий специалистов, чьи мнения авторитетны, а опыт и знания бесспорны. Кампанейский ажиотаж здесь ни к чему, можно наломать дров больше нормы.

Авторы вносят свою лепту в такое обсуждение. Они выступают за оптимальную стратегию, с одной стороны, не ограничивающую свободу миграции ученых, с другой стороны, регулиующую эту миграцию с учетом реальных нужд отечественной науки и системы образования. Черты этой стратегии пока не ясны. Я уже говорил выше, что одними материальными посула-

⁶ См.: <http://ria.ru/society/20130213/922628721.html>

ми вопрос не решить. Понятно, что комплексное решение этого вопроса – одно из самых важных направлений государственной политики. По своему значению он стоит наравне с созданием благоприятного инвестиционного климата в отечественной экономике. Нужны соответствующие законы, но не только они. Нужны еще и гарантии того, что эти законы будут выполняться, что их действие не будет задавлено коррупцией. И нет другого пути к этому, кроме последовательной демократизации всей общественной жизни.

Чтобы изменить к лучшему подготовку научных и преподавательских кадров, надо научиться правильно диагностировать мотивацию аспирантов, замечают авторы. Правильный диагноз – дело хорошее, спору нет. Но вот я определил: сей претендент на степень поступает в аспирантуру, имея в виду «откосить» от призыва в армию⁷. Что я должен делать в таком случае? Парень-то способный, он и экзамены сдаст хорошо, и реферат состряпает приличный, ну, скажем, не хуже других...

Далее предлагается совершенствовать процесс обучения в аспирантуре и включать диссертационные работы в крупные исследовательские программы. Хорошее предложение, но сделать это в силах только очень крупные исследовательские центры – и далеко не по всем направлениям. Остальным придется отказаться от аспирантуры, если это требование станет обязательным.

Повысить персональную ответственность научных руководителей, консультантов и экспертов, может быть, и неплохо.

Только как это сделать? В некоторых вузах один крупный специалист руководит пятью – семью аспирантами. За одним из них «не усмотрел», что делать с провинившимся мэтром? Это та же логика – «надзирать и наказывать», мне она представляется слишком примитивной.

Авторы призывают отказаться от количественных показателей оценки качества работы аспирантуры вузов. Обеими руками – я за! Но надо бы решиться и на то, чтобы финансировать качественную, но малочисленную аспирантуру не хуже, если не лучше, чем многочисленную, но неэффективную.

Есть и более радикальное предложение: следуя букве и духу Болонского процесса, отказаться от аспирантуры и оставить двухзвенную систему подготовки научных кадров – «магистратура – докторантура» (с. 34–35). Такое предложение высказывается не впервые. Трудности в его реализации связаны не с пресловутым желанием сохранить «российскую особость» по сравнению с европейскими странами. Они – в содержательном наполнении указанных звеньев.

Пусть, например, в соответствии с «трансформационной моделью», по терминологии авторов, будет одна ученая степень – «доктор наук», уже «готовые» кандидаты переаттестовываются для получения этой степени (хотелось бы представить процедуру этой переаттестации!), а доктора становятся «гранд-докторами» (если опять-таки пройдут через некую процедуру!). Как это сдержит поток «липовых дис-

⁷ Я вполне серьезно думаю, что задача освободить не только аспирантуру, но и весь процесс высшего образования от наплыва немотивированных абитуриентов, не собирающихся в дальнейшем не только заниматься научными исследованиями, но и вообще работать по специальности, самым тесным образом связана с необходимостью армейской реформы; пока служба в Вооруженных Силах будет рассматриваться общественным мнением не как почетная обязанность, а как несчастье, постигающее призванного и его семью, неизбежно желание избежать этого несчастья. Например, поступить в университет. Девушек в армию пока не призывают, но и у них есть свои мотивы, ведущие в вузы: неготовность к трудовой деятельности, отсутствие приемлемых условий и стимулов к ней, желание продлить счастливое иждивенчество.

сертаций» и ослабит порыв во что бы то ни стало обеспечить себе лакомую надбавку? Авторы отвечают примерно так. Халтура и плагиат не смогут пробиться сквозь многослойную броню условий, среди которых: успешность защиты магистерской диссертации, очная докторантура, обязательность участия докторанта в престижных (лучше – международных) исследовательских проектах, одна–две монографии и статьи в крупных научных журналах, независимая экспертиза результатов, обязательное внедрение последних⁸ и т.д. Броня выглядит внушительной. Вспомним, однако, что и нынешнее броневое покрытие процесса «остепенения» тоже некогда выглядело вполне надежным. На всякую броню найдется соответствующий снаряд. Но дело даже не в этом. Все подобные предложения относятся к завершающей стадии формирования научных и научно-образовательных кадров. Между тем ее успешность зависит от того, как реализуются предшествующие (даже начальные) стадии. Ни для кого не секрет, что в нынешний российский вуз массово приходит плохо подготовленный средней школой первокурсник (даже с учетом сложной и многоступенчатой системы отбора через конкурс результатов ЕГЭ, олимпиады всех уровней и т.п.)⁹. Поэтому первые годы обучения в вузе часто уходят на ликвидацию элементарной безграмотности. Как в этих условиях добиться того, чтобы через два года после поступления студент защитил чего-то стоящий диплом или получил сертификат (что-то вроде свидетельства об окончании техникума), а потом за четыре года подготовился к успешной защите магистерской диссертации? Возможно, я ошибаюсь, но мне это представляется благими пожеланиями,

которыми мостится дорога сами знаете куда.

Я хочу сказать, что никакие усовершенствования процесса ученого «остепенения» не дадут желаемого результата, если они будут проводиться в отрыве от реформирования всей системы образования, начиная со школы. Здесь же, несмотря на широковещательную активность, коренных сдвигов к лучшему нет.

Думаю, назрела необходимость перейти к планомерной подготовке научных и научно-преподавательских кадров по особым программам, начальные стадии которых должны быть реализованы еще в специализированных школах, а последующие – в рамках системы индивидуальных учебных планов и специальных студенческих научно-исследовательских групп. Будущих исследователей надо готовить целенаправленно, непрерывно, создавая для них все необходимые условия, а не надеяться на то, что они как-то сами пробьют себе дорогу в науку. Эта задача для своего решения требует решительных новаций в организации учебного процесса, в распределении ресурсов и ролей профессорско-преподавательского состава, выработки новых критериев оценки эффективности его работы и т.д. Если бы она была успешно решена, тем самым был бы сделан и решительный прорыв к созданию благоприятной этической атмосферы в нашей науке. Опыт такого рода есть, надо только дать ему оперативный простор.

Статья трех авторов представляется мне полезным началом широкой дискуссии, которая должна проводиться интенсивно, но без поспешания. На кону слишком многое – судьба российской науки и культуры. Проиграть нельзя.

⁸ Что такое «внедрение научных результатов» по отношению к «чистой» математике, логике, истории, философии, культурологии? Кажется, без натяжек здесь не обойтись, а полагать эти области научного знания какими-то исключениями из перечня условий и требований к соискателям ученой степени, как-то, знаете, не вполне последовательно.

⁹ Я говорю именно о массе, а не о счастливых исключениях. Талантами не оскудела русская земля, но речь идет о среднем уровне, а не о выдающихся индивидах.

PORUS V.N. SCIENTIFIC DEGREE AS A "CURVE MIRROR" OF RUSSIAN SCIENCE

This paper considers the reasons on which process of assignment of scientific degrees in Russia has undergone serious distortions and became «a curve mirror of Russian science». Limitation and doubtful efficiency of administrative measures on correction of position are shown, the necessity of radical restructurings of all system of preparation of the scientific and scientifically-educational contingents is affirmed. The basic directions of such transformations are offered.

Keywords: post-graduate course, doctoral training, scientific degree, prestige of science, preparation of scientific personnel, Supreme Attestation Committee, science citation index

В.С. СЕНАШЕНКО, профессор
Российский университет дружбы народов

О некоторых проблемах подготовки кадров высшей квалификации

В работе обсуждаются ключевые проблемы подготовки кадров высшей квалификации. Обращено внимание на то, что превращение аспирантуры в образовательную программу высшего образования третьего уровня может сопровождаться значительными структурными и содержательными изменениями в подготовке кадров высшей квалификации. Подчеркивается комплексный характер проблемы девальвации ученых степеней в современной России.

Ключевые слова: подготовка научно-педагогических кадров, ученая степень, магистратура, аспирантура, докторантура, образовательная программа третьего уровня, научно-квалификационная работа

На страницах печати активно обсуждается проблема девальвации ученых степеней, присуждаемых по отраслям наук. Поводом для жарких дискуссий стали многочисленные факты фальсификаций, а то и просто открытая торговля дипломами различного достоинства. Очевидно, что эта проблема имеет глубинные причины и обладает своего рода «тонкой структурой». В обществе в результате преобразований последних десятилетий произошли смещения ценностного ряда в сторону меркантилизма и прагматизма. Совершенно очевидно, что рано или поздно это должно было проявиться в научной и образовательной среде.

Социальные аспекты сложившейся ситуации лежат на поверхности и хорошо всем известны, *главной же причиной происходящего стало разрушение значительной части научных школ с традициями высокой требовательности и интеллектуальной честности. А сохранившиеся научные школы в силу целого ряда*

причин потеряли свое влияние на формирование морально-этического климата не только в обществе, но и, что очень важно, в научной и образовательной среде. За этим последовало снижение уровня требований, прежде всего – к докторским диссертациям как наиболее престижной ступени квалификационной системы, сложившейся в науке. И та масса кандидатов наук, которые в прежние времена о докторской степени не решались даже мечтать, получили возможность стать докторами наук. При этом не осталось в стороне и сословие чиновников. Ведь многие из бывших научных сотрудников занялись административной работой – отчасти потому, что в науке к тому времени они себя исчерпали, а отчасти потому, что занятия наукой, влачившей жалкое существование, начали терять свой престиж, хотя существовавшая всё еще «инерционность мышления» диктовала необходимость получения ученой степени. А тут такая оказия!